

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-76-81
УДК 130.2(045)

Китайский национальный характер и особенности мышления китайцев: к методологии философского исследования

С.А. Просеков
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются методологические подходы к философскому анализу китайского национального характера и особенностей китайского мышления. Показывается, в чем заключается различие понятий «национальный менталитет» и «национальный характер», которые частично совпадают, а частично различаются.

Автор предполагает, что национальный характер и его основные черты составляют существенную сторону (уровень) национального китайского менталитета. В работе исследуется методологическая проблема: можно ли определять китайское мышление как преимущественно образное, в отличие от преимущественно логического – у европейцев. Высказывается и обосновывается гипотеза об аудиальном характере возникновения и формирования китайского менталитета. Объясняются причины рождения «децентрированного субъекта» с клиповым сознанием. Отмечается, что китайцы давно выработали практики в реакции на звук без всякого разделения на материальное и идеальное, потому что никакой проблемы субъекта и объекта для них никогда не существовало.

Ключевые слова: Китай; национальный характер; менталитет; мышление китайцев

Для цитирования: Просеков С.А. Китайский национальный характер и особенности мышления китайцев: к методологии философского исследования. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):76-81. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-76-81

ORIGINAL PAPER

Chinese National Character and Peculiarities of Chinese thinking: Towards a Methodology of Philosophical Research

S.A. Prosekov
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The study reveals methodological approaches to the philosophical analysis of the Chinese national character and the peculiarities of the Chinese thinking. The author shows the difference between the concepts of national mentality and national character, which partly coincide and partly differs. The author suggests that national character and its salient features make up an essential aspect (level) of the national Chinese mentality. The research examines a methodological problem of whether it is possible to define Chinese thinking as predominantly figurative, in contrast to the predominantly logical one of Europeans. The author hypothesizes and supports the idea that the emergence and formation of the Chinese mentality is auditory. The explanation clarifies the reasons for the birth of an “imbalanced individual” with clip consciousness. The Chinese have a longstanding tradition of developing practices in response to sound, without distinguishing between the material and the ideal, as they have never faced the problem of subject and object.

Keywords: China; national character; mentality; Chinese thinking

For citation: Prosekov S.A. Chinese national character and peculiarities of Chinese thinking: Towards a methodology of philosophical research. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):76-81. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-76-81

В научной литературе применительно к нации и/или национальности понятия «ментальность» и «национальный характер» иногда употребляются как синонимы¹.

Некоторые авторы считают термин «национальный характер» ненаучным (П.Н. Миллюков, Л.Н. Гумилев), однако другими исследователями он активно применяется.

Обзор литературы по теме «национальный характер и менталитет» показывает, что на первых порах Китай и все китайское воспринимались европейцами просто как экзотика, курьез, «вечно чужое». Затем в Европе стали подчеркивать противоположность китайского всему европейскому, его «отсталость». Это происходило на фоне сложившегося представления об истории как единой мировой причинно-следственной цепи великих событий, правлений и войн, достижений философии, литературы и науки. При этом Китаю навязывалась периодизация истории и цивилизации Европы и вообще европоцентристские критерии, которые многие и ныне, часто по умолчанию, считают истинными критериями развития для всего мира. Однако уже появилось и обрело мощный импульс к развитию совершенно иное отношение к Поднебесной — стремление воспринимать ее как таковую, а не просто отставшую от Европы в своей «дружости». Причиной такого поворота послужил неожиданный «прыжок азиатского тигра», в результате которого Китай оказался на мировой арене второй державой по темпам развития. Тут произошел слом сложившихся стереотипных представлений о коллективизме китайцев (при том, что модернизация прежде всегда связывалась с индивидуализмом в культуре). Вообще кажется совсем не случайным наличие в мировом китаеведении двух прямо противоположных мнений: об отсутствии индивидуальности у китайцев и об их крайнем индивидуализме [1, с. 34]. Можно предположить, что европейские оппозиции коллективизм/индивидуализм просто не работают для характеристики китайского менталитета: существуют и приводятся аргументы для доказательства и той и другой позиции — примеры мощных коллективных действий китайцев, а также их запредельного эгоцентризма и соперничества. Что это значит? Скорее всего, забота о Я, трактуемом расширительно и включающем не только самого человека, но и его семью, является реальной ориентацией традиционных китайцев,

однако принцип строгого подчинения социальным иерархиям заставляет их в нужное время выступать как сплоченная сила. Это и не индивидуализм, и не коллективизм, а нечто, не описываемое указанными бинарными оппозициями.

Рухнули также стереотипы об отсутствии в китайской цивилизации понятия личности, о пассивности, заторможенности, медлительности китайцев и их цивилизации. Сегодня, как говорят недоумевающие читатели и слушатели одному из ведущих современных синологов В.В. Малявину, складывается образ Китая, которого «нет ни в Китае, ни в Европе». Именно этот образ оказывается принципом, обладающим высокой познавательной-практической ценностью. Европейскую ментальность невозможно объяснить посредством истории великих идей непосредственно из литературы (следует учитывать повседневность и уместной «безмолвного большинства»), а китайскую — тем более, поскольку она не логоцентрична, как европейская культура Нового времени, не создавала универсальных понятий, но складывалась из ситуативных практических образцов, для овладения которыми необходимо включение в практику культуры. Там нет ни субъекта, ни объекта, бинарных оппозиций наибольшей степени общности, привычных для европейца эпохи Модерна, но есть холистичность тела и души, мысли и действия. При этом (что естественно) китайская культура содержит множество понятий, непередаваемых на европейские языки: их надо долго описывать, но всегда остается непередаваемый, собственно китайский остаток. По близкой аналогии — так же непередаваема эстетическая информация, закодированная в произведении искусства, на язык логоса: сколько ни пересказывай содержание произведения, всегда остается нечто непересказываемое, что и составляет самую суть художественного. Так, исследователь указывает, что перспектива в изображении, близкая к прямой (ренессансной), издавна существовала в Китае, хотя чаще всего специалисты говорят о перспективе «многофокусной» как характеристике китайской иконографии. К тому же типов перспективы в Китае существенно больше, чем в Европе, но для их обозначения «...в европейских языках нет соответствующих терминов. <...> у китайцев своеобразный метод структурирования пространства представляет собой способ восприятия времени и пространства как единого целого» [2, с. 18]. Это частный случай, но очень показательный. Следует понимать, что китайская культура (как постоянно подчеркивает

¹ URL: <http://national-mentalities.ru/>

в своих исследованиях В.В. Малявин) развивается прагматически, без разделения на идеи и их носителей. Признанный специалист по этнической психологии китайцев, знающий китайский язык, писал о «недостаточно четкой терминологии в китайском языке для обозначения понятий, относимых к этнической психологии» [3]. Можно предположить, что дело не в «нечеткой терминологии», а в терминологии *другой*, для которой нет адекватных понятий в европейских языках.

Тут же в новом свете встает проблема степени общераспространенности того, что сегодня называют китайской ментальностью или китайским характером, и очагов ее культурного производства: общего и частного, высокого и повседневного (что, впрочем, составляет проблему любой национальной ментальности).

Сложной методологической проблемой (также общей для всякой теории и истории ментальностей, не только китайской) является решение вопроса: существует ли реально общий — в данном случае китайский — менталитет/характер, или только отдельные этнические и стратовые менталитеты/характеры (тибетский, ханьский, деревенский и городской, чиновничий и пр.)? Выход некоторыми авторами предлагается следующий: включать в понятие китайского менталитета только общие для всех этнических групп и страт населения Китая черты. Решение видится неудовлетворительным по ряду причин — в частности, потому, что и нация, и этнос, и профессиональные группы представляют собой (если использовать термин Б. Андерсона) «воображаемые сообщества» [4], т.е. такие, члены которых никогда не встречаются все вместе в реальной жизни. Поэтому и стратовые, и этнические, и прочие ментальности можно делить до бесконечности — до тех пор, пока инструментальное понятие не перестанет работать вовсе, что исследователю совсем не нужно.

Н.А. Моисеева и В.И. Сорокикова полагают, что понятия «менталитет» и «характер» не являются синонимами: «Отличие менталитета от национального характера в том, что последний, являясь составной частью ментальности, включает общие психофизиологические черты жизнедеятельности (определяемые принятой нацией системой ценностей). Понятие “менталитет” по содержанию гораздо шире, чем понятие “национальный характер”» [5, с. 4]. Эти авторы считают, что «термин “национальный характер” совпадает с понятием “базовая личность” (основная структура личности). <...> категория “базовая личность” предполагает

наличие в каждой культуре доминирующего типа личности, определяя ее как основную личностную структуру, формируемую данной культурой. <...> Базовая личность — это склонности, представления, способы связи с другими людьми» [5, с. 12]. «“Базисная личность” — это понятие, подчеркивающее значимость структурного образца и предоставляющее попытку отбросить проблему “девиантных” и “периферийных” черт, в результате чего остается структурное ядро, предположительно общее для всех членов группы. Модальная личность строится на статистическом анализе “девиантных” и “периферийных” черт. <...> Использование понятия модальной личности не предполагает, что все или даже большинство членов общности имеют одну и ту же личностную структуру, более того, модальная личность соответствует сравнительно прочно сохраняющимся чертам личности, чаще всего встречающимся у взрослых членов данного общества. Именно общества, а не культуры, так как исследователи модальной личности интересовались, прежде всего, современными индустриальными обществами» [5, с. 13]. Стоит отдельно отметить любопытное для нашей темы соображение данных авторов, а именно: «“Расколотовость” общества не дает возможности последовательного проведения реформ. Они становятся рецидивирующими. Если конфуцианское умение найти “золотую середину” помогло в проведении китайских реформ, наша постсоветская история подтвердила философскую интуицию Н.А. Бердяева о переходе из крайности в крайность как особенности русского национального характера» [5, с. 21].

Представляется, что объемы понятий «национальный менталитет» и «национальный характер» — пересекающиеся. Иными словами, они частично совпадают, а частично различаются. Но, имея это в виду, национальный характер китайцев можно считать вторым, более внешним уровнем (слоем) национального менталитета. Так, типичные для того или иного национального/этнического менталитета отношения к труду, досугу, власти, сексу и пр. обычно входят и в состав национального/этнического характера, но наиболее глубокий слой такого менталитета (представления о времени, пространстве и т.д.) к характеру отнести невозможно.

Еще одна методологическая проблема темы видится как кардинальная: определение китайского мышления как преимущественно образного, в отличие от преимущественно логического у европейцев. Это положение давно стало общим местом в публи-

кациях по теме китайского менталитета, а меж тем оно вовсе не очевидно. Эта «образность» мышления китайцев связывается с визуальным аспектом иероглифической письменности, которая в своей основе пиктографична, она схематически воспроизводит изображения вещей и существ окружающего мира. Однако визуальное подражание природе как таковое всегда считалось в Китае вульгарным, признаком нецивилизованности. Поэтому, к примеру, и пейзажи никогда не писались с натуры, но всегда высоко ценилось то, что переработано сознанием и бессознательным в медитациях, размышлениях и на практике таким образом, что становятся неразличимыми исходная (природная) вещь и сознание, они срачиваются в единое целое. Потому же, как это ни странно, так ценится всякая искусная подделка: дерева — под кирпич, вкуса куриной похлебки — под свиную и пр., — что всегда приводило в большое недоумение европейцев, в культуре которых всякая подделка — ложь и обман.

Но есть еще более существенное соображение, а именно: возраст китайского менталитета — по крайней мере пять тысячелетий, и он каким-то образом формировался и передавался от поколения к поколению, а меж тем на протяжении этого времени подавляющее большинство населения Поднебесной оставалось неграмотным (до середины XX в. — примерно 90%), не будучи и аудиторией прекрасной китайской живописи, которая тысячелетиями существовала во дворцах императоров (хотя чувство ритма и пластики развивается и в народной музыке, и в ремесленных вещах, и в домо- и храмо-строительстве). Значит, это была по преимуществу не визуально-письменная, а аудиальная культура, культура «уха», а не «глаза», в которой речь и слух доминировали. И тогда вариантов интерпретации остается два: или китайским менталитетом, связанным с иероглифической письменностью, считают менталитет исторического образованного меньшинства — но тогда его так и следовало бы называть, указав на то радикальное обстоятельство, что игнорируется бесписьменное, но не безмолвное большинство; или, если признать китайскую культуру вплоть до середины XX в. по преимуществу аудиальной, ее и следует характеризовать соответствующим образом, исследуя в то же время современный китайский менталитет не как дописьменный, а в связи с распространением массовой грамотности как постписьменный. И тут, в дополнение к исследованиям китайской письменной и визуальной культуры, надо обращаться к ис-

следованиям устной речи, ее структуры, изменения семиотики и звучания как социального феномена (т.е. к прагматике звука), а также, возможно, к механизмам трансляции ритуалов, включая их слуховую образность, традициям использования запахов и т.д. Конфуцианские, даосские и буддийские ценности распространялись в среде неграмотного населения изустно, обретая вид пословиц, афоризмов, обрядов, праздников, ярмарочных представлений, иных фольклорных форм [6, с. 12]. Однако прагматика звука, *sound culture studies* (некоторые авторы употребляют название *sound studies*, «исследования звука» как синоним для предметного поля или научного направления «исследования аудиальной культуры», *auditory cultural studies*, или *sound culture studies*, как в данном случае автор настоящей статьи, другие эти направления различают [7]) — практически малоразвитое направление, особенно в русско-язычном поле, при большом количестве публикаций за последнее десятилетие на английском языке. В отличие от *visual studies* (изучении визуальной культуры), материалы по аудиальным культурам чаще всего фрагментарны и встречаются отрывочно в очень разных научных дисциплинах.

Хотя современная культура Европы определяется как аудиовизуальная, М. Маклюэн отмечал, что в XX столетии происходит переакцентировка культуры с визуального на аудиальное (слышимое). В нижеследующей цитате под «устной и племенной культурой уха» автор разумел и китайскую культуру: «Из всех великих гибридных союзов, питающих бурное высвобождение энергии и изменения, нет фактически ничего, что могло бы соперничать со встречей письменной и устной культур. Дар фонетической письменности, давшей человеку глаз вместо уха, в социальном и политическом плане является, вероятно, самым радикальным взрывом, какой только может случиться в социальной структуре. Этот взрыв глаза, часто повторяемый в “отсталых регионах”, мы называем вестернизацией. Сегодня, когда началась гибридизация книжностью культур китайцев, индийцев и африканцев, нас ждет такой выброс человеческой энергии и агрессивного насилия, который заставит померкнуть всю прежнюю историю технологии фонетического алфавита.

Но это только восточная сторона истории, <...> ибо в настоящее время электрическое сжатие несет письменному Западу устную и племенную культуру уха. Теперь визуальному, специалистскому и фрагментированному человеку Западу не просто приходится жить в теснейшем повседневном соседстве

со всеми древними устными культурами мира, но и его собственная электрическая технология начинает обратный перевод визуального, или глазного, человека в племенную и устную конфигурацию с ее цельносплетенной паутиной родства и взаимозависимости» [8, с. 28].

Представляется, что превращения европейского визуального человека в аудиального, как предсказывал Маклюэн в 1964 г., не произошло, но подвергшаяся радикальным метаморфозам культура востребовала новые аудиовизуальные способности, которые в европейском предшествовавшем опыте отсутствовали, в результате чего в Европе родился «децентрированный субъект» с клиповым сознанием. И пока европейцы спорят о соотношении материального (телесного) и идеального (психического, сознательного, культурного, социального) в реакциях на звук, китайцы давно выработали эти практики без всякого разделения на телесное и нетелесное, ибо никакой проблемы субъекта и объекта для них нет и никогда не было.

Б. Кейн подчеркивает, что при попытках онтологизировать звук, т.е. посчитать первичной телесную, докультурную реакцию, выясняется, что «телесные возможности формируются одновременно с инкультурацией» [9]. И в самом деле, поскольку, к примеру, на Земле нет абсолютной тишины, сами чувства тишины и шума создаются не природой, а определяются как таковые культурами, причем по-разному: то, что в одной культуре считают тишиной, в другой будет восприниматься как шум, и наоборот. По этим соображениям, выясняя генезис и характер китайской ментальности, следовало бы больше апеллировать к аудиальным кодам этой культуры, а они разнообразны. Так, известно, что в китайском языке тон выполняет такую же смысловозначительную функцию, как и звук — произнесенный разными тонами голоса слог образует совершенно разные слова. Очень важное обстоятельство — сакрализация воздуха и его движения (ветра) в китайской мифологии, что во многом определило здесь звукомusicальную практику. В связи с этим один из авторов предлагает типологическую схему звуковых имиджей разных цивилизаций, связанных с взаи-

модействием людей и природы. Для Юго-Восточной Азии (а значит, и для Китая) таким звуковым кодом/имиджем являются «звук как “шум” (тропического леса, моря и т.п.) и “гул”» [10] (с точки зрения автора типологии, для Дальнего Востока — это звук как звон и писк, для Южной Азии — как крик и дребезжание, для Центральной Азии — как вой, кряхтение и скрип и т.п.). Надо думать, что эти первокоды становятся основой специфического для каждой крупной цивилизации звукоязыка, в Китае — подвергаясь сложнейшей переработке и метаморфозам; скорее всего, идея мимесиса и в звуке тут вряд ли присутствовала. Тот же автор, говоря о специфической для китайцев игре на цине, указывает: «В практике музицирования на цине нашла непосредственное отражение гармония даосско-буддийского мистического единения творческого духа со Вселенной — так называемое “просветление”, для которого была характерна яркая эмоциональность, то “эйфористическое чувство духовно-телесного единства, не нарушаемое дискуссией”, когда человек “восстанавливал свежесть, остроту и целостность восприятия, то есть все естественные свойства, утраченные им в процессе культуризации посредством декларируемых конфуцианством правил «ли»”...» [10]. Музицировать предлагалось на лоне природы, часто — под сливовыми деревьями — символом бессмертия, и сосной — символом жизненной стойкости. И из этого опять видно, что в Поднебесной почитается не сам по себе природный звук, а именно тот, что символизирует «музыку сфер», Небеса, связь человека с Небом, т.е., строго говоря, именно культурно-символические действия людей, природа, преобразованная до синергического слияния природного и человеческого.

Таким образом, китайский национальный характер с методологической точки зрения целесообразно рассматривать как уровень китайского менталитета. Кроме того, в настоящей статье приведены аргументы в пользу преимущественно аудиального характера китайской ментальности, сформировавшегося в процессе ее развития, и контраргументы в отношении распространенной идеи о доминировании образного, а не логического в мышлении китайцев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тертицкий К.М. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. М.: ИСАА МГУ; 1994.
2. Чжан Ц. Сино-европейский стиль в придворной живописи Цин эпохи расцвета: статус мастера, художественные особенности. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М.: Московский художественно-промышленный институт им. С.Г. Строганова; 2017.

3. Спешнев Н.А. Дискуссия об этнопсихологии китайцев характер. URL: http://national-mentalities.ru/east/vostochnaya_i_yugovostochnaya_aziya/speshnev_n_a_diskussiya_ob_etnopsihologii_kitajcev/
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково Поле; 2001.
5. Моисеева Н.А., Сороковикова В.И. Менталитет и национальный характер. URL: http://national-mentalities.ru/files/moiseeva_sorokovikova.pdf
6. Васильев Л.С. История религий Востока. URL: <https://mse.msu.ru/history/05/book/text-05-01.pdf>
7. Кейн Б. Саунд-стадиз в обход аудиальной культуры: критика онтологического поворота. URL: [https://www.hse.ru/data/2018/11/08/1141254691/20-38_Kane%20\(translate\).pdf](https://www.hse.ru/data/2018/11/08/1141254691/20-38_Kane%20(translate).pdf)
8. Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. URL: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf
9. Cane Brian. Sound studies without auditory culture: a critique of the ontological turn. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/20551940.2015.1079063>
10. Васильченко Е.В. История и теория музыки: звук/музыка в системе культуры. URL: <http://geum.ru/next/art-76255.leaf-3.php>

REFERENCES

1. Tertitsky K.M. Chinese: traditional values in the modern world. Moscow: ISAA MSU; 1994. (In Russ.).
2. Zhang Q. Sino-European style in court painting of the Qing heyday: the status of the master, artistic features. Cand. arts. sci. diss. Synopsis. Moscow: Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts (Stroganov Academy); 2017. (In Russ.).
3. Speshnev N.A. Discussion about the ethnopsychology of the Chinese character. URL: http://national-mentalities.ru/east/vostochnaya_i_yugovostochnaya_aziya/speshnev_n_a_diskussiya_ob_etnopsihologii_kitajcev/ (In Russ.).
4. Anderson B. Imagined communities. Moscow: Kanon-Press-C; Kuchkovo Pole; 2001. (In Russ.).
5. Moiseeva N.A., Sorokovikova V.I. Mentality and national character. URL: http://national-mentalities.ru/files/moiseeva_sorokovikova.pdf (In Russ.).
6. Vasiliev L.S. History of the religions of the East. URL: <https://mse.msu.ru/history/05/book/text-05-01.pdf> (In Russ.).
7. Kane B. Sound stage bypassing auditory culture: criticism of the ontological turn. URL: [https://www.hse.ru/data/2018/11/08/1141254691/20-38_Kane%20\(translate\).pdf](https://www.hse.ru/data/2018/11/08/1141254691/20-38_Kane%20(translate).pdf) (In Russ.).
8. McLuhan M. Understanding media. External extensions of a person. URL: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf (In Russ.).
9. Cane Brian. Sound studies without auditory culture: a critique of the ontological turn. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/20551940.2015.1079063> (In Russ.).
10. Vasilchenko E.V. History and theory of music: sound/music in the cultural system. URL: <http://geum.ru/next/art-76255.leaf-3.php> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Анатольевич Просеков — кандидат философских наук, доцент, заместитель заведующего Редакцией научных журналов, Финансовый университет, Москва, Россия

Sergey A. Prosekov — Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor, Deputy Head of Scientific Journals Editorial Department, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-6049-2479>

SAProsekov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.11.2023; принята к публикации 10.12.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 10.11.2023; accepted for publication on 10.12.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.